

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

St.Petersburg Journal of Oriental Studies

**выпуск 3
volume 3**

**Центр
"Петербургское Востоковедение"**

**Санкт-Петербург
1993**

In Memoriam

Три года со дня смерти сабеиста Г. М. Бауэра
(1925-1989)

АПОСТОЛ ТАМАМИЗМА

На лестничной площадке Института востоковедения стоял Бауэр с огромным чёрным пистолетом в руках. Лицо серьезно, поза величественна, ноги попирают собственную тень. Новичку он казался героем Лема или Стругацких, капитаном глубокого космоса. Дело и впрямь шло о дальнем пути. Таял январь 1983 года, советско-йеменская комплексная экспедиция, иначе СОЙКЭ, готовилась к путешествию на крайний юг Аравии. Экспедиционные грузы в ящиках, мешках, штабелях и россыпью заполнили Институт от чердака до подвала. Оружие в руках героя при ближайшем рассмотрении оказалось мирной ракетницей для подачи сигналов, если заплутаем в пустыне.

Глеб Михайлович Бауэр отдал СОЙКЭ семь последних лет жизни.

Так вышло, что профессия эпиграфиста-сабеиста была в нашей стране сугубо кабинетной, выходы в "поле", где существуют открытые и, главное, неоткрытые сабейские надписи, представлялись фантастичекой мечтой. И когда, жданно и гаданно, она исполнилась, Глеб Михайлович с любовью и охотой покинул академические кабинеты ради бурьх аравийских долин, отвесных склонов и каменистых плато, зноя раскопов и пыли импровизированных камералок.

Атмосферу первого сезона СОЙКЭ Бауэр передал в ироничных и лёгких заметках, опубликованных на страницах журнала "Знание - сила" (1985, NN 9-10): Правда, он не счёл нужным рассказать о своих полевых дневниках, куда чётким почерком - прямо набело - заносил добытый научный материал, строго отделяя факты от гипотез. Умолчал и об аккуратнейших тетрадях, в которых регистрировал все найденные при раскопках надписи, безмерно облегчая работу своим преемникам, не написал о множестве тяжелых каменных плит с высеченными на них древними строками, которые переёс по ступеням белоснежного султанского дворца в городе Сейуне, где он создал лапидарий - хранилище каменных текстов. Анализируя изменения шрифта во времени, он строил хронологию храмовых надписей. Помимо монументального письма его интересовали обнаруженные СОЙКЭ на городище Райбун невесомые черенки пальмовых листьев с процарапанными на них знаками. Этот писчий материал из слоя, датируемого V-IV века до н. э., вероятно, применялся для черновых записей делового характера. Черенкам посвящена последняя статья Бауэра ("Вестник древней истории", 1990, N 2), написанная вместе с другими членами экспедиции - эпиграфистом А. Г. Лундиным и археологом А. М. Акопяном.

Не всем участникам нашей СОЙКЭ, собравшей представителей разных наук, были одинаково близки проблемы южноаравийской эпиграфистики: в них профессионально разбираются всего полтора десятка знатоков. Но каждый из нас мог оценить человеческие качества эпиграфиста Бауэра, натуры яркой, живой, артистичной и необыкновенно привлекательной. Мы всё чаще вспоминаем Глеба Михайловича, повторяем его излюбленные слова и шутки, ловим друг у друга его интонации. Теперь, когда он ушел, мы с опозданием понимаем, что в размеренных экспедиционных буднях, подчинённых научной программе, он был центром нашего общения. Он был апостолом тамамизма.

По-арабски "тамам" - хорошо, ладно. В Йемене без этого слова не обходится ни один разговор, впрочем, как и без слова "халас" - конец, шабаш. С легкой руки археолога Г. А. Кошеленко, оптимистов СОЙКЭ прозвали тамамистами, а склонных к здоровому пессимизму - халасистами. Глеб Михайлович вдохнул в тамамизм душу. История сохранила дату этого события: 19 марта 1983 года, суббота. И место: деревня Худайба, вади Дауан, провинция Хадрамаут, Южный Йемен.

Вечернее солнце клонилось к шести - чудесное время, когда жара спадает, косо освещённый пейзаж становится выпуклым и резким, а через какие-нибудь полчаса свет, минуя сумерки, переходит во тьму. Наблюдая, как в небесной бездне зажигаются большие колючие звезды, мы заговорили о том, что Аравия дала миру три великие религии - иудаизм, христианство (если вспомнить, что Палестина - северная окраина полуострова) и ислам. "Только здесь, в этих величественных декорациях, - воскликнул кто-то из нас, - может и сегодня родиться новая истина!"

- Ещё как может! - тут же отозвался Бауэр. - А имя ей - тамамизм.

Общими усилиями решили, что суть нового учения гениально проста. Доступная мудрецу и нищему духом, она выражается одним бездонным словом - тамам. Дунул ветер, с гор повеяло свежестью и тамамизм родился.

"Тамам!" - ответ на любой вопрос. Этот ответ всеобъемлющ в буквальном смысле, ибо в равной мере обнимает все философские течения и мировые доктрины прошлого, настоящего и будущего. Всё, что есть во Вселенной, входит в лоно тамамизма как частный случай, включая его критику и опровержения, любой мыслимый и немислимый текст. А посему тамамизм абсолютно неуязвим и вечен.

Очень скоро идеальная бедность нашего учения покзаалась нам скучноватой и мы попросили Глеба Михайловича придумать хоть какие-нибудь заповеди, тем более, что он успел загореть и отрастить бороду и вполне годился на роль ветхозаветного пророка. "За это вы будете называться отец-заповедник", - уговаривали его. И он дал нам три положительные заповеди:

- Возлюби! Возжелай! Сотвори!

Игра в тамамизм протекала со срывами: каждый из нас, бывало, впадал в халасизм, а наиболее упорные не желали верить, что это упадничество есть частный случай тамамизма. В недрах учения, отрицающего ереси, зрела ересь. Да и сам отец-заповедник порой оглашал аравийские долины громким: "Значит, всё пропало?!" Но слабость длилась недолго, всегда находилась выход и халасизм отступал.

Бауэр верил, что в пещерном склепе ар-Рукба или на скале в вадии Наам, что значит Долина Страуса, окажутся надписи. Верил - и они находились. Скинув свою зелёную рубашку, он смачивал её водой, протирая слепую поверхность скалы и на камне проступали древние буквы и рисунки. Изображение страуса в Долине Страуса. Бауэр гладил его рукой, удовлетворённо приговаривая: "Настоящая вещь, довоенная вещь!"

Однажды он сварил компот из топора. Роль топора исполняли плоды ильба - размером и цветом они напоминают мелкие сушёные абрикосы, а на вкус кисло-сладкие, немного мучнистые. Их сбивают с высоких деревьев, белесоватых и раскидистых, которых много в Хадрамауте. Друг СОЙКЭ Хусайн принес нам целый мешок таких плодов.

О Хусайне - грустном, плосколицем, в застиранной юбке (повседневный наряд йеменца) - следует говорить особо. Это он указал дорогу к надписям пещеры ар-Рукба, нашел каменные орудия олдувайского человека и открыл клад из нескольких сотен монет древней бронзы, которую очистили лимонным соком. Не имея образования, он мог починить любой механизм, знал основы электричества, лечил разные болезни, завел мельницу для односельчан и, по их словам, знал с джиннами обоюго пола. Недаром он был сайидом, то есть потомком пророка Мухаммада. В трёх соседних деревнях у Хусайна имелись жены - всего три жены, что мусульманскими обычаями не возбраняется. Итак, Бауэр вызвался приготовить из поднесённого дара компот.

- Старики, мне нужен доступ к неприкосновенным запасам! - потребовал он.

Доступ открылся. В ход щедро пошел изюм, чернослив, курага. Даже горсточка плодов ильба была, кажется, брошена в котел, а может быть, и нет: этого никто не помнит. Приготовление компота затянулось до полуночи. Бородатые полуголые мужчины как бы невзначай столпились у кухни, жадно вдыхая роскошные ароматы. К пробе приступили задолго до того, как напиток остыл. Его черпали российскими эмалированными кружками, пока они не заскрежетали по дну. Ночной безалкогольный пир увенчался дружным возгласом "Тамам!" Так же кончались за-

столя с другим выбором напитков. Почти не притрагиваясь к ним, Бауэр искренне делил растущий энтузиазм коллег, распевая с нами казачьи, походные, воровские, бурсацкие песни и жестокие романсы, приговаривая при этом: "А мне нравится мой голос!"

Глеб Михайлович всегда покорял сердца наших йеменских поваров. Изучив его гастрономические пристрастия, они старались почаще готовить любимые им макароны и как можно реже гречневую кашу, которую называли "черный рис", или "гретчер". "Гретчер? Нет! - повторяли они. - Галиб не любит".

Йеменцы помнят его под именем Галиб, что значит по-арабски "Победитель". Это отнюдь не кажется случайным фонетическим совпадением для тех, кто знал Бауэра в южнойеменском экспедиционном "поле". И для тех, кто взглянет в его фотографию, на которой он запечатлён в традиционной йеменской одежде, перепоясанный широким поясом с кинжалом. Царственная осанка, седая борода патриарха, гордый взгляд из-под клетчатого тюрбана с кистями. Победитель, апостол тамамизма, верный трём своим заповедям: любивший жизнь, умевший желать и творить. Таким он останется в нашей памяти.

М.А.Родионов